

ровали этот аргумент, обнаружив хорошие знания античной философии⁶⁷. Возмущенный познаниями пресвитера Антиохийской церкви Евгения в античной философии, Юлиан в гневе якобы воскликнул: «Клянусь вождельнейшим для меня, блистающим золотыми лучами и всемирным солнцем, что не позволю безбожному христианскому роду учиться греческим наукам»⁶⁸. Отослав мученика на казнь, Юлиан вскоре действительно издал эдикт о запрещении христианам получать классическое образование в языческих школах.

С другим мучеником, Макарием, и самим Артемием Юлиан вел спор об оценке императора Константина: Юлиан резко напал на этого правителя его оппоненты защищали императора в духе христианской традиции⁶⁹.

И Артемий в споре с Юлианом также обнаруживает глубокие познания в античной науке. Так, он опровергает обожествление Юлианом солнца на основании того, что Анаксагор называл солнце раскаленным камнем. Этот тезис восприняли и его ученики Архелай и Перикл, Сократ и Платон, а Юлиан, который сам принадлежит к платонической школе, должен знать это⁷⁰. Но, находясь, по словам историка, под влиянием бесед с философом Максимом из Ионии, Юлиан отверг все аргументы Артемия⁷¹.

Филосторгий, принадлежавший к оппозиции правительству, с гораздо большей свободой говорит о бедах и несчастьях, обрушившихся на Римскую империю. Сторонники обоих крайних течений — никейцы и ариане-евномииане — с ожесточением отвергали всякие компромиссы и были настроены против расчетливых действий политиков и придворных церковных иерархов. Они решительно выступали против вмешательства императоров в догматические дела церкви. Нередко представители этих течений оказывались в какой-то мере единомышленниками, ибо гордые сановники и придворные дамы из окружения Констанция, льстивые иерархи, лавировавшие в своей политике, в равной степени не пользовались благосклонностью ни со стороны друзей Филосторгия, ни со стороны приверженцев Никейского собора.

Бескомпромиссная позиция Филосторгия, его беспощадное описание всех язв и бед империи некоторые исследователи связывают с влиянием на него Апокалипсиса и идей хилиазма. Действительно, Филосторгий в отличие от Сократа, Созомена и Феодорита Киррского более трагично воспринимал историческую действительность своего времени. Влияние на него мрачных и суровых идей Апокалипсиса было значительным.

Историк пишет, что в его время вся земля, как иногда в прошлом, была охвачена кровавыми войнами, убийствами, гибелью народов. Европа, Азия и Африка захлебнулись в крови, и города их превратились в руины. Жители, уцелевшие от нашествия варваров, гибли от чумы, голода, землетрясений, пожаров и наводнений, града и стужи и других разбушевавшихся стихий⁷². Эти грозные события, охватившие всю империю, в изображении Филосторгия выглядят как исполнение пророчеств Апокалипсиса. В этом смысле сочинение Филосторгия примыкает ко всей сложившейся в христианской литературе системе интерпретации, в эсхатологическом духе, видения Даниила. Идеи Апокалипсиса, однако, выполняют у Филосторгия различные функции и не всегда направлены против одних и тех же порицаемых христианами сил: то писатель использует их против враждебной ему ортодоксальной церкви, то против христианской империи и православных императоров, то против язычества.

⁶⁷ Ibid., 15—30.

⁶⁸ Ibid., 31.

⁶⁹ Ibid., 33—34, 41—43.

⁷⁰ Ibid., 47.

⁷¹ Ibid., 48.

⁷² *Philostorg.*, X, 11; XI, 7; S. CXVI—CXX.